

С лица необщим выраженьем

Виталий Сазонов, он же просто Витя — пришел ко мне в осенний день не помню какого года, если я была на втором курсе, то, значит, 1969-70? — и сказал, что меня, с таким носом и глазами, как у пятиклассницы-пуговичницы, нужно нарисовать, что он сейчас и сделает. И нарисовал меня — Аленушкой с братцем-козленочком под уздцы. Ты кого нарисовал? — фыркнула я, ткнув пальцем в козленка.

— О, извини, — Витя укрупнил козленка. Козел был похож на... не скажу, на кого был похож тот козел. Потому что человек тот — ничего себе человек. Но в тот момент он, действительно, был козлом. И — не был моим братцем-Иванушкой. Скорее, я была ему... внучатой племянницей. Он был... он стал... очень хочется проболтаться, но я обещала Вите, что не скажу никому. У Вити была на голове шишка гениальности, и он давал ее погладить девочкам — чтобы поумнели и — не забеременели по случайности.

Он был хохотун и, как сейчас бы сказали — "прикольщик". Но тогда такого слова еще не было.

Мы с ним тихонько поддружились — по секрету от старших ребят. Я была вроде как ну, дите, и прозвище у меня среди истфаковцев было "Малэче". Так вот Сазонов втихаря меня взращивал и научал вольностям, теоретизировал со мной, а я потом проверяла на практике. Он же мне объяснял "всю правду" о демократах, анархистах и Вячке Игрунове. Говорил, что хорошим экономистом станет Вячек, если отрастит бороду, как у Фридриха Энгельса! И я могу подтвердить, Вячек ходил в бороде.

Еще Витя учил размывать акварели, и мои рисунки плакали, потом слезы просыхали, и я могла бы научиться у Сазонова, как рисовать миниатюры в радужных разводах — но я читала "Хроники" и философские книжки, и Сазонов махнул рукой, перестал меня учить рисованию. У меня сохранилась редкая его акварель, я все хочу подарить ее Витиной маме, но мама сказала — храни у себя, девочка. (Я с ней виделась уже после смерти Виталия Сазонова, когда писала статью об одесских художниках семидесятых-восьмидесятых годов, статья вышла в "Вечерней Одессе", и я рада, что о Сазонове что-то смогла рассказать одесситам.)

Когда Виталик уехал в Мюнхен, он ностальгировал, и его художественные работы — а их не много сохранилось, к сожалению, — как те, что я видела, пронизаны воздухом декабрьской Одессы — мряка, бисер, а, может быть, Витины слезы... Не было ему хорошо в эмиграции.

В Мюнхен потом, после Сазонова, многие художники подтягивались, покидая Одессу. Уехал Владимир Стрельников, увез три художественных достояния Одессы — скульптуры Николая Степанова, открыв этим счет расширенной культурной территории — от Одессы до самых до окраин Европы, на этот раз до немецких окраин, а там, глядишь — и мир впереди... У Одессы всегда был и есть большой замах, и возможности немалые!

Вот возьмем Хруща, к примеру. Мне лично нравится поговорить о Хруще. Его знают и принимают даа-ле-ко за пределами Одессы. Он сложный человек, он ведь гениален... А вот лет тридцать тому Хрущ еще не ощущал себя великим. Но его ранние работы все еще экспонируются в родном одесском Грековском училище. Я помню, как просыпалась память в Игоре Павлове — на моих глазах! — (Игорь Иванович — прекрасный поэт и последний одесский барон немецкого происхождения, красивый душой и внешностью человек, люблю его нежно и преданно) — он рассказал мне, что после первой своей выставки в "Комсомольской Искре", газета такая была молодежная, Валентин Хрущ сказал: "Буду работать иначе". И перестал работать вообще. Лет на десять. Ну, конечно, в это творческое время застоя он (А он уже был — ХРУЩЕМ) — он был разным. Он вообще широк по натуре. Он... ну и так далее. А потом вообще семнадцать лет не пил. Вообще стал добродетельным. А то бывало, на всех кидался и упрекал власть, что не дала ему вырасти. Власть еще кончиться не успела, как Хрущ уже начал заниматься авангардом — конечно, какой власти это когда нравилось? И вот светлой памяти директор Художественного фонда, товарищ Стренковский, в ходе выяснения отношений с авангардистом Валей Хрущем, был укушен последним за щеку. Дело в том, что в результате за "покусательство" Хрущика из фонда выгнали. А когда выгнали, то схватились за голову — это как же его выгнали, такого гениального, да он же в жизни никого ни о чем не попросит, как же его теперь вернуть назад? Ну, уговорили, написал Хрущ заявление: "Предлагаю Фонду принять меня назад, так как мой уровень равен мировому"! И — его вернули!

Говорит Игорь Павлов: "Вот интимный момент из нашей жизни — мы с Хрущем смотрим на море и признаемся, кто кем был в прошлой жизни. Я, говорю, был деревом. А он говорит — берегом морским был.."

С рыбами отношения у него есть, это я точно знаю. Его фирменный знак — рыба на дереве.

Я однажды пришел к нему в дом, а сын его, Дмитрий, (он потом в Израиле учеником рубщика мяса работал), подает рыбку-тюльку. Я

ее на зуб, а она — деревянная! — Папина работа, — сказал сын, — талантливая тюлечка! Матерщинники они оба, и папа, и сын, но папа — колоссальный эстет.

Работы Хруща можно посмотреть, те, что не в Москве и не в Японии — у Николая Устименко в Одессе. У Коли так много работ Хруща, что Игорь Павлов даже поговорку по Одессе пустил: "Хрущ уехал, но Кела его живет"!

Ау, москвичи, а знаете, что сказал однажды Хрущ о себе? Это очень важная цитата из него, любимого: "Я вырос на Пересыпи и умер там". Сказал это Хрущ — и уехал в Москву.

Сколько нас таких, родившихся на Фонтанах или Молдаванке и умерших там же, живет теперь в Москве... Вот на вскидку — Вячек Игрунов, Аня Федорова, Виктор Лошак, его Марина, Михаил Левитин, Олег Шашкевич, Михаил Жванецкий, Саночка Альперина, Саша Милкус, Валя Игрунова, Сережа Ильницкий, Глеб Павловский, Ира Ратушинская, Игорь Геращенко, Слава Пелюшенко, шесть членов российского правительства и те, кого не назвала, но кто входит во Всемирный Клуб Одесситов Московских... а это более чем сотня, гораздо...! Восклицательный знак тут неуместен. Я его на испанский манер, с ног на голову перевернула бы... Еще переверну, я в Москве только два года как...

Москва — Одесса

